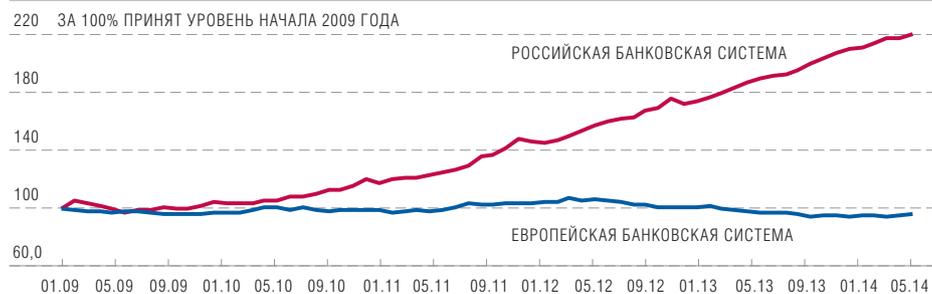

ГОДОВЫЕ ТЕМПЫ РОСТА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ (%) ИСТОЧНИК: ГПБ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА АКТИВОВ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ (%) ИСТОЧНИК: ГПБ И ЦБ РФ.

ности — отношение долга к EBITDA (прибыль до вычета амортизации и налогообложения. — „Б“) — у некоторых крупнейших российских компаний перестал улучшаться. Долги не росли, но и показатель EBITDA не увеличивался. Одновременно при осуществлении заимствований некоторые компании исходили из позитивного экономического прогноза (т.е. предполагали рост цен и спроса на свою продукцию). Но эти прогнозы не сбылись, то есть многие компании стали более рискованными заемщиками, причем не из-за санкций, а в силу макроэкономических факторов, например давления на цены на сырьевые товары.

ВГ: Как Газпромбанк оценивает риски и работает с ними при формировании кредитного портфеля?

О. В.: Газпромбанк в большей степени корпоративный, нежели розничный банк: займы физическим лицам составляют лишь порядка 10–12% нашего кредитного портфеля. Поэтому оценка рисков корпоративных заемщиков для нас сфера особого внимания. Для этого необходимо оценивать вероятности и возможные сценарии дефолта по каждому корпоративному заемщику.

Мы делаем это как на основе традиционного кредитного анализа, так и на базе математических моделей, разработанных департаментами Газпромбанка, ответственными за риск-менеджмент. При этом применяются модели трех типов: для средних компаний, для крупных и для крупнейших компаний и проектного финансирования. Для малого бизнеса мы такие индивидуальные модели не применяем: его доля в нашем кредитном портфеле незначительна.

ВГ: Что это за модели оценки рисков, изменились ли они в связи с изменением внешнего фона?

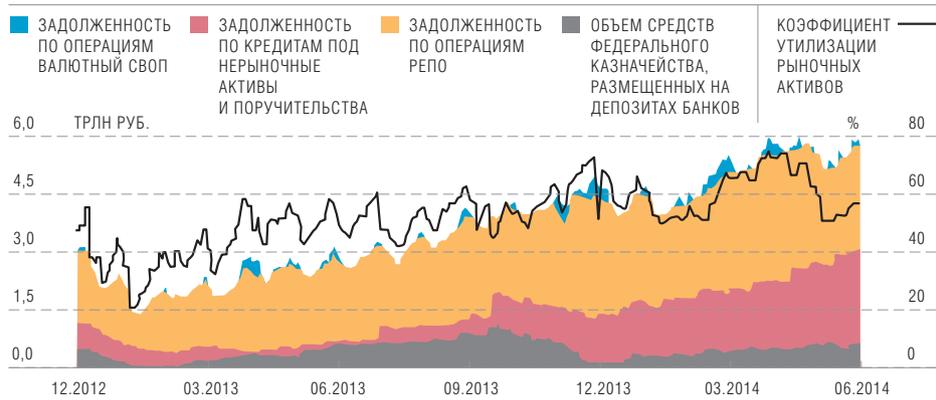
О. В.: Каждая модель берет заемщика и анализирует его будущие финансовые потоки с целью оценки возможности производить выплаты по кредитам. Разумеется, в связи с общим негативным фоном мы соответствующим образом меняем свои подходы к методикам оценки заемщиков. Так, в настоящее время мы уделяем повышенное внимание сценарному анализу. То есть при анализе конкретного заемщика мы смотрим не только на текущие показатели, но и оцениваем, как будут меняться его финансовые потоки при неблагоприятных сценариях: падении цен на продукцию, подорожании обслуживания кредитов и т. п.

Сценарный анализ сейчас стал очень важен. Причем мы тестируем на устойчивость к негативным сценариям не просто весь кредитный портфель банка, а каждый выдаваемый кредит в отдельности.

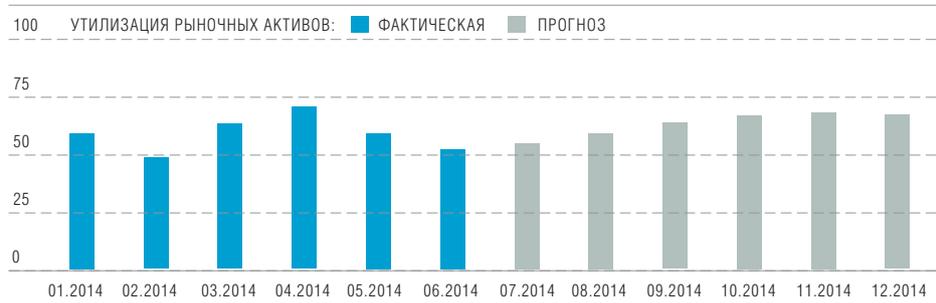
ВГ: Какие новые риски появились у основных клиентов Газпромбанка в связи с их отраслевой спецификацией?

О. В.: У нас много клиентов — представителей нефтегазовой отрасли, металлургии, энергетического сектора. Как я уже говорил, у многих из них со второй половины 2013 года показатель EBITDA практически не увеличивается. У большинства долг с точки зрения объема также не растет, но есть риск удорожания его обслуживания. Таким образом, отношение выплат по долгу к EBITDA — это второй важнейший показатель при рассмотрении возможности кредитования — имеет тенденцию к ухудшению. Причем подобная ситуация наблюдается почти во всех отраслях: в нефтегазовой положение лучше, но в металлургии, угольной

УТИЛИЗАЦИЯ РЫНОЧНЫХ АКТИВОВ. ПОКАЗАТЕЛИ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ИСТОЧНИК: ГПБ.

КОЭФФИЦИЕНТ УТИЛИЗАЦИИ РЫНОЧНЫХ АКТИВОВ: ФАКТИЧЕСКИЕ И ПРОГНОЗНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ (%) ИСТОЧНИК: ГПБ.

промышленности мы видим значительное падение цен на продукцию. Так что в целом системный кредитный риск растет, причем уже со второй половины 2013 года.

ВГ: С точки зрения корпоративной структуры как устроена система оценки рисков в Газпромбанке?

О. В.: Прежде всего стоит отметить, что, согласно регуляторным нормам, во всех банках должна быть структура управления рисками. В Газпромбанке два дивизиона: один занимается анализом кредитных рисков, другой — рыночными рисками инвестиционного банка, то есть рисками, связанными с ликвидностью и конъюнктурой валютного и фондового рынков.

Работа идет по двум основным направлениям. Первое — решение оперативных задач: рассмотрение крупных сделок с точки зрения рисков и вынесение решений относительно возможности их проведения. Второе — разработка методологий, в соответствии с которыми работает банк.

ВГ: Весь банк, то есть все службы?

О. В.: Не все, конечно, а имеющие отношение к собственно активной банковской деятельности. Для России это, может быть, пока не совсем типично, но в западных банках департаменты, занимающиеся рисками, крупнее, например, кадровых департаментов.

Есть на эту тему хороший пример-аналогия из сферы регулирования дорожного движения. Условно говоря, риск-менеджмент — это те, кто разрабатывает «правила дорожного движения». Мы не можем сделать так, чтобы «аварий» вообще не было — тогда мы остановим «дви-

жение». Поэтому нам нужно как-то балансировать, чтобы «аварий» было как можно меньше, а «машины ездили». И чтобы, если «аварии» случались, они не были бы критичными, не приводили бы к банкротству банка. Если говорить конкретнее, это методологии рассмотрения заявок, оценки залогов, страхования рисков банка, построение различных моделей вероятности дефолта заемщиков. И, разумеется, создание правил работы, контроля и мониторинга. Это так называемый мидл-офис или, продолжая аналогию, наши «гаишники».

ВГ: Сейчас в России будет внедряться стандарт «Базель-3», там предусмотрено ужесточение требований к капиталу. Это создает проблемы российским банкам?

О. В.: Не думаю. Дело в том, что внедрение «Базеля-3» с точки зрения капитала предусматривает требования к качеству капитала, а не к увеличению уровня минимальной достаточности: он в России остался неизменным — 10%. Законодательством закреплены понятия капитала первого уровня: базового (основного) и добавочного, включающего субординированные долговые инструменты. На практике в России нет банков, использовавших гибридные инструменты, и сравнительно немного тех, кто использовал субординированные инструменты. Так что никаких массовых проблем с капиталом не возникло — по крайней мере, в связи с введением «Базеля-3». У Газпромбанка, кстати, в капитале есть и субординированные кредиты, и гибридные инструменты. Но у нас общая достаточность капитала 11,2% при нормативе 10% — есть запас. Все нормативы базового и основного капиталов также рассчитаны с запасом.

ВГ: А как с другими нововведениями «Базеля-3»?

О. В.: На мой взгляд, могут возникнуть проблемы с нормативами короткой ликвидности (LCR, или ПКЛ). Базельские требования предусматривают необходимость учета возможности оттока клиентских средств — скажем, сокращения объемов депозитов. Во-вторых, вводятся довольно жесткие требования к активам, которые можно считать ликвидными, — это ценные бумаги с довольно высокими рейтингами. В России таких бумаг крайне мало — как в связи с низким объемом рынка госбумаг, так и в результате геополитических событий, влияющих на рейтинги и ликвидность долговых обязательств российских эмитентов. Держать же долговые бумаги западных эмитентов российским банкам явно невыгодно.

Правда, данный норматив в России пока не принят, сейчас этот вопрос прорабатывается в Центральном банке: норматив, скорее всего, будет адаптирован к российской действительности. ЦБ также будет вводить безотзывные кредитные линии (БКЛ), которые помогут банкам с выполнением данного норматива.

ВГ: У Газпромбанка достаточность капитала выше минимальных значений, предусмотренных нормативами. Почему банк не наращивает кредитный портфель — нет заемщиков или в целом рыночная ситуация не располагает к рискам?

О. В.: Мы традиционно активно наращиваем кредитный портфель больше 20% в год, и в этом году будет рост портфеля. Разумеется, проблема качественных заемщиков на нашем рынке существует давно и банки активно борются за право их обслуживать — это нормально. А в условиях напряженной экономической ситуации качественных заемщиков становится меньше. Но есть еще один фактор: рынок пока еще довольно привыкает к нынешнему уровню процентных ставок. Очевидно, что предприятия будут испытывать потребность в рефинансировании, причем, весьма вероятно, при практически закрытых внешних рынках капитала. Но чтобы система оказалась готова работать на полную в новых условиях, нужно время.

ВГ: Вы говорили об оценке кредитных рисков предприятий или конкретных бумаг. А как быть с общими, макроэкономическими рисками? Вы их также пытаетесь прогнозировать или опираетесь на иные прогнозы, внешние экспертизы?

О. В.: У нас в банке есть департамент, ответственный за макроэкономическое прогнозирование. Но для рисков здесь важнее не сами прогнозы и их достоверность, а сценарии развития ситуации. Просто макроэкономическое прогнозирование — довольно неблагоприятная вещь, особенно в условиях геополитических рисков. Сценарный же анализ позволяет понимать, при каких вариантах развития событий у банка все будет в порядке, а при каких — необходимо принимать экстраординарные меры. Это важно — иметь в виду возможность негативного сценария, поскольку можно делать любые заявления. При этом очевидно, что существуют ситуации, при которых любая компания, любой банк могут оказаться на грани выживания.

ВГ: На этот случай предусмотрены планы обеспечения выживания, получения помощи?

ГАЗПРОМБАНК — СКОРЕЕ КОРПОРАТИВНЫЙ, НЕЖЕЛИ РОЗНИЧНЫЙ БАНК: ЗАЙМЫ ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦАМ СОСТАВЛЯЮТ 10–12% НАШЕГО КРЕДИТНОГО ПОРТФЕЛЯ. ПОЭТОМУ ОЦЕНКА РИСКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ЗАЕМЩИКОВ ДЛЯ НАС СФЕРА ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

МАГИСТР ДЕЛА

Олег Ваксман — заместитель председателя правления Газпромбанка. В 2002 году окончил Университет Витватерсранда (University of the Witwatersrand) в Йоханнесбурге (ЮАР). В 2013 году завершил обучение по программе Trium Global Executive MBA с присвоением степени магистра делового администрирования. Работал в южноафриканском First National Bank, в лондонском офисе KPMG и партнером компании PricewaterhouseCoopers. В 2010 году пришел в Газпромбанк, где курирует блок рисков, международные проекты и представительства, а также Газпромбанк Private Banking.

ТИПИЧНАЯ СТРУКТУРА ПАСИВОВ КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ БАНКОВ

